

Единственный извѣстный мнѣ здѣсь, выдающійся жрецъ лирической поэзіи живетъ *Unter den Linden* и зовутъ его просто Шмидтъ, Шмидтъ изъ Эрфурта, города цвѣтовъ (какъ говоритъ Гоффманъ изъ Фаллерслебена). Ни у кого изъ лирическихъ поэтовъ нѣтъ здѣсь такого обилія красокъ, ароматовъ, свѣжести и гармоніи, какъ у него; никто не умѣетъ дѣлать такихъ чудныхъ сочетаній какъ онъ. По профессіи онъ садовникъ и плоды рукъ его на вульгарномъ языкѣ именуются букетами, корзинами цвѣтовъ, гирляндами, и т. д. Для меня это гимны, пѣснопѣнія, народныя пѣсни, элегіи и пѣсни любви, безъ сомнѣнія, лучшія въ Берлинѣ. Если ихъ и понимаютъ разное, то это особенность, вообще свойственная произведеніямъ поэзіи. Но положительно невозможно пройти мимо его высокихъ зеркальных оконъ и не замечаться, взглянувъ на нихъ.

Вотъ большой крупный, выпуклый букетъ огненно-красныхъ темныхъ камелій, пѣснь торжествующей красоты, которая возносится отъ избытка чувствъ и пылкихъ желаній. Что за очертаніе у каждаго листа и какой грандіозный подборъ аккордовъ въ художественномъ сочетаніи! Вотъ прямо противъ него другой букетъ, тоже изъ камелій бѣлѣ снѣга, окружающихъ безъ строгаго порядка, но гармонично, ряды бѣлыхъ гіацинтовъ, между которыми блестятъ своими бѣлыми чашечками стебельки ландышей. Букетъ этотъ дышетъ торжественной и тихой грустью.

Вотъ подушка изъ цвѣтовъ, въ полномъ смыслѣ слова подушка, хотя, конечно, основой служить искусно скрытая проволоочная форма. Она сплетена изъ лиловыхъ, мягкихъ и блестящихъ, какъ бархатъ, еще влажныхъ отъ росы анютиныхъ глазокъ и точно создана, чтобы служить опорой ноги прелестной женщины; ихъ окружаетъ бордюръ сѣраго, матоваго мха, съ разсѣянными въ немъ листками оливы; по четыремъ угламъ опускаются гіацинты и фукціи въ видѣ кистей. Только въ немногихъ рѣчюванныхъ выраженіяхъ гордой, все покоряющей любви, мы встрѣчаемъ такую красоту. Вотъ подставка на подобіе древнегреческой лампы, съ главнаго ствола которой свѣшиваются три корзиночки, одна наполненная бутонами красныхъ розъ, другая фіалками и третья бутонами бѣлыхъ розъ; она напоминаетъ прекрасную подставку для лампы, найденную въ древней Помпѣѣ, широкое основаніе которой инкрустировано серебромъ и на одномъ концѣ которой стоитъ Вакхъ, на другомъ алтарь. Грегориусъ написалъ прелестное стихотвореніе гекзаметромъ: „Эвфорионъ“ въ честь этой рѣдкости. Можетъ быть, и три опускавшіяся